

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ 1929 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Яковлева Ж.В.

аспирант кафедры отечественной истории и историографии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье автор предпринимает попытку проанализировать события, последовавшие за принятием Постановления о религиозных объединениях 1929 г., которое стало основой для развернувшейся беспрецедентной кампании по ликвидации храмов и передачи их на нужды государства, либо варварскому уничтожению. Постановление стало отправной точкой нового витка гонений на религию, помогая творить беззакония под маской закона. В ходе кампании, широко проводившейся в Саратовском Поволжье, было закрыто и разрушено огромное количество храмов. Религиозная жизнь православного населения была подорвана, но не сломлена окончательно.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, Постановление о религиозных объединениях, Саратовское Поволжье, власть, религия, церковь, православие.

Сокрушительным ударом по церкви и религиозной жизни всех конфессий стало принятие 8 апреля 1929 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» [10].

Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в конце 1920-х годов не затихала, не смотря на притеснения со стороны власти, она, наоборот, набирала обороты. Для того чтобы борьба с церковью и религией приобрела более четкие формы, советское руководство пошло на ряд законодательных мероприятий, в том числе на издание Постановления о религиозных объединениях, благодаря которому изживать религию стало намного проще.

Теперь вся юридическая, материальная и иная ответственность за соблюдение объединением верующих советского антицерковного законодательства ложилась на конкретных граждан, заключавших договоры с государством от имени религиозного объединения. Именно они фактически должны были расплачиваться за любые «нарушения», совершенные религиозным объединением, что требовало немалого мужества и самоотверженности и материальных затрат.

В селах массовое закрытие церквей началось практически одновременно с коллективизацией сельского хозяйства. В Саратове уже к этому времени был закрыт ряд церквей, монастырей и молельных домов. Из-за нехватки помещений для детских домов и школ, в освобожденные корпуса бывшего мужского монастыря были переведены дошкольные детские дома №8 и №11 и детский дом №3 [5, Л. 64]. Комиссия по обследованию церквей докладывала 26 января 1929 г. на заседании Президиума Горсовета о необходимости передачи Маминской церкви под школу в связи с ходатайством родителей за расширение школы, а также, из-за нехватки школьных зданий в Агафоновском и Клиническом поселках, о передаче Благовещенской церкви для использования под школу [5, Л 65].

Здания церквей переоборудовались под школы и культурно-просветительные учреждения, но причиной для закрытия всегда являлось «несоответствие строительным правилам», «неудовлетворительное состояние», «нерациональность поддержания». Причиной часто служила неуплата налога на строение, в этом случае в течение 2-х месячного срока договоры с верующими на использование церковного здания расторгались. Так, например, были расторгнуты 15 ноября 1929 г. Президиумом Саратовского горсовета договоры с коллективами: церковью Спасо-Преображенского монастыря, Рождества Богородицы, Казанской, Спасо-Преображенской, Ново-Никольской, Михаило-Архангельской, Сергиевской, Покровской, Преображенской церковью [5, Л. 83-83об]. В 1930 г. планировалось закрыть церкви в г.Саратове: Благовещенскую, Троицкую, Ильинскую, Князя Владимира, Петропавловскую [5, Л. 111].

Пожалуй, самым большим потрясением для православных верующих стала ликвидация кафедрального собора города и архитектурного памятника первой половины XIX в. – Александро-Невского собора. Наступление на собор началось еще в начале 1920-х гг., когда здание было передано обновленцам, поскольку их в общине было большинство. Известны также неоднократные кампании по изъятию ценностей из собора.

Впервые вопрос о ликвидации Александро-Невского собора был поднят в декабре 1929 г. Но тогда исполком Нижне-Волжского края решил передать здание институту сельского хозяйства и мелиорации (ИСХиМу). В 1930 г. помещения храма занимал клуб кооперативных кустарей Сарпромкредсоюза; в 1931 г. – общество «Динамо». В 1932 г. строительная комиссия окончательно постановила разобрать корпус и колокольню храма. С этого времени и до начала 40-х годов собор постепенно демонтируется.

Более удачно сложилась судьба Троицкого собора, который в 1934 г. был закрыт для прихожан и превращен в граверную мастерскую, позже – в нем располагалось хранилище краеведческого музея и склад военного имущества.

Храм «Утоли моя печали» чудом уцелел в 1930-е гг. Спасением храма стали его размеры. Дело в том, что в первую очередь власти боролись с крупными соборами и приходами, так что часовня уцелела до начала Великой Отечественной войны.

В здании Крестового храма архиерейского дома (ул. Волжская) г. Саратова находился антирелигиозный музей, с 1928 г. – детская больница. В годы антицерковной кампании был уничтожен кладбищенский храм в честь Воскресения Христова (Воскресенское кладбище).

История закрытия церквей в Саратовском Поволжье демонстрирует собой непревзойденный пример цинизма, хамства, лжи и нечеловеческого отношения власти к чувствам верующих. Она дополняет общую картину полного бесправия советских граждан в эпоху строительства сталинского социализма, когда даже собственная жизнь им не принадлежала.

Например, в селе Казаков хутор Балаковского района церковь в декабре 1929 г. была закрыта, в храме все было поломано, а утварь и иконы ча-

стично сожжены, а частично вывезены в г. Балаково. Естественно все это было сделано без согласия верующих. Верующие попросили у местной власти созвать собрание, за что зачинщики были арестованы. Людей некоторое время держали в сельском совете. Верующие обратились в Вольский окружной административный отдел и к окружному прокурору за помощью, с жалобой на незаконные действия в отношении церкви и аресты, но помощи не последовало [9, Л. 33].

Чаще поводом для закрытия церкви служили такие формулировки: «грозит обвалом», «ветхая», «пришла в негодность» либо «отказ верующих» платить непосильные налоги, делать капитальный ремонт. Смету на капитальный ремонт составлял техник из райисполкома, сметы эти были сильно завышены, верующим сделать такой ремонт было просто не по карману, просьбы оплатить налоги, сделать ремонт в рассрочку либо оставались без ответа, либо в просьбах отказывали. После чего с верующими расторгался договор на аренду здания церкви или молитвенного дома, затем после определенной процедуры храм закрывался.

Опротестовать решение о закрытии церкви необходимо было в двухнедельный срок, в противном случае жалоба даже не рассматривалась. Как, например, не была рассмотрена жалоба коллектива верующих Казанско-Богородицкой церкви слободы Александров-Гай Новоузенского района Пугачевского округа [8, Л. Л. 45]. Верующие написали жалобы в крайисполком и в комиссию по вопросам культов при ВЦИК, но не успели уложиться в двухнедельный срок, поэтому ВЦИК утвердил постановление крайисполкома о закрытии недостроенной каменной церкви. Суть жалобы состояла в том, что старая церковь деревянная не могла удовлетворять запросам населения, находилась в полуразрушенном состоянии и подлежала сносу, а недостроенная каменная, могла послужить для религиозных нужд 7 000 населению слободы Александров-Гай. Строиться она начала еще до революции, уже были возведены стены до купола. Сразу суммы на достройку церкви не нашлось, и верующие просили пойти на уступки, достроить церковь в рассрочку. На что получили отказ.

Особенно рьяные партийные функционеры делали все для того, чтобы угодить вышестоящему начальству и покончить с «пережитком прошлого». Но иногда встречались честные, справедливые начальники, которые испытывали к верующим чувство сострадания. В 1934 г. прокурору Питерского района Нижне-Волжского Края было поручено разобраться в деле по закрытию церковью названного района. Верующие написали жалобу на незаконное поведение властей в деле по закрытию церкви в селе Августовка. Вот ответ прокурора Питерского района Саратовской крайпрокуратуре: «Церковь в Августовке не работала, т.к. не было священника <...> Осенью приглашали священника, но райисполком церковь не открыл» [9, Л. 305]. Затем оргкомитет ВЦИК Саратовского Края расторгнул договор с верующими, которые якобы не желали делать в ней ремонт. «Я просмотрел заявление верующих, – пишет далее справедливый прокурор Питерского района, – «...они согласны произвести ремонт...» [9, Л. 305]. Верующие Михаило-Архангельской церкви,

действительно, не отказывались от ремонта, они просили лишь об отсрочке, но им отказали. До описываемых событий церковь была разграблена, воров поймали, но, естественно, весь ущерб должны были возместить сами верующие. Прокурору Питерского района поручили взыскать с верующих большую сумму, но прокурор докладывает: «Привлекать не буду» [9, Л. 303]. Смелый по тем временам поступок.

На местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от «идеологических установок» партии на «противоборство» с религией. Ведь это автоматически зачисляло «сомневающих» и «колеблющихся» в разряд лиц, отвергающих «генеральную линию» партии, грозило им зачислением в разряд «внутренних врагов» партии, проявляющих «оппортунизм» и «примиренчество» в борьбе с «религиозной идеологией» – «важнейшим препятствием на пути социалистического переустройства и преодоления буржуазного и мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы».

Не менее показательная история произошла в 1932 г. при закрытии Михайлово-Архангельской церкви села Малые Озерки Новобурасского района Саратовской области. Жители села написали жалобу в крайисполком о бесчинствах председателя сельсовета Протасова [6, Л. 462]. Михайлово-Архангельская церковь была занята под ссыпку зерна без всякого разрешения верующих, при этом церковь серьезно пострадала: был выломан престол, поломаны окна, кругом царило разрушение. Как писали сами сельяне: «верующие приходили в церковь из жалости» и просили не уродовать дальше их церковь, готовы были своими силами все восстановить и отремонтировать, но председатель... выгонял их из церкви кнутом [6, Л. 462]. Но несчастные верующие, надеясь на справедливость, писали и писали слезные письма во все инстанции.

Другой пример, красноречиво говорящий сам за себя: дело по закрытию Успенской церкви в селе Потьма Ртищевского района Саратовского края. Жители написали жалобы во все инстанции на незаконные действия своего председателя, который «на праздник Вербного 1 апреля 1934 года» вошел в православный храм без головного убора и «стал силою их храма выгонять верующих, а затем и священника» [7, Л. 14-14об]. Председателю удалось закрыть церковь, отобрать у верующих ключи, а затем приспособить церковь под склад зерна, при этом львиную долю церковного имущества из церкви ему тоже удалось выкрасть.

Вот еще пример, от коллектива верующих Никольской церкви села Курган Ртищевского района Балашовского округа во ВЦИК 10 октября 1929 г. поступила жалоба на то, что на общем собрании решался вопрос о закрытии церкви [7, Л. 275]. Но заранее не предупредили о повестке собрания и пришло мало народу, в основном пришли Безбожники. На другой день некий Прутков из райисполкома позвал к себе председателя церковного совета и потребовал ключи от церкви и расходные книги. Церковный председатель под давлением отдал ключи, священника с семьей Прутков выгнал. Церковь

в конце концов была закрыта крайисполкомом 10 июня 1935 г., не смотря на все попытки верующих это предотвратить [7, Л. 319].

Еще пример: на общем собрании граждан села Перекопная Лука Балаковского района также решался вопрос о закрытии молитвенного здания [9, Л. 139]. «Если с вас сельский совет потребует ремонта этого дома, то вы его должны отремонтировать и так отремонтировать, как вам скажет сельский совет. А если вы в состоянии отремонтировать, то давайте – молитесь, а если нет, то сельсовет ему пустовать не даст» [9, Л. 139] – это было озвучено сельсоветом на общем собрании. Далее последовали аресты членов исполнительного органа религиозного объединения, а также «со стороны представителей местной власти были допущены действия грубого уничтожения культового имущества, оскорбляющие религиозные чувства граждан» [9, Л. 141-141об], что стало известно из жалобы верующих во ВЦИК. Грозя арестами, председатель сельсовета Букаев потребовал сдать церковное имущество, заставлял подписать какие-то бумаги. После чего заявил: «Теперь можете ехать и жаловаться в Балаково» [9, Л. 143]. Вечером председатель сельсовета снова собрал людей и потребовал ключи, грозя расправой, ключи ему удалось получить. Утром председатель снова собрал несчастных, напуганных людей и начал изъятие церковного имущества: «кололи, срывали все то, что для нас верующих считалось святыней» [9, Л. 143]. Плакали все – дети, женщины и мужчины, собравшиеся в знак протеста. В жалобе во ВЦИК люди просили «восстановить революционную справедливость», но церковь, как и многие-многое другие, была закрыта. В церкви разместилась 7-летняя школа – не самый худший вариант для молебельного дома.

В Саратовском Поволжье до осени 1929 года еще были слышны колокола, Президиум ВЦИК осенью 1929 г. запретил колокольный звон. После 1917 года церковные колокола стали объектом непрерывных нападков. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Во-первых, одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям; во-вторых, колокольный звон запрещали в местах расположения заводов и фабрик, чтобы дать возможность рабочему человеку отдохнуть от дел праведных А также причиной к изъятию колоколов стала экономическая причина: колокола призывали отдавать государству для «тракторов», а в определенные исторические отрезки для обороны страны.

Президиум Саратовского городского совета 2 декабря 1930 г. постановил в связи с запрещением в городе колокольного звона снять все колокола со всех действующих церквей г.Саратова [5, Л. 106].

Еще одной не менее дерзкой выходкой со стороны советской власти было «разоружение кладбищ» в 1930 г. Кладбищенские ограды, а также другие материалы – мрамор, памятники подлежали изъятию с кладбищ. Так, были озвучены цифры по сбору металла с кладбищ – 2 000 тонн [5, Л. 101]. Кампанию по сбору кладбищенского металла решено было начать с Воскресенского кладбища г.Саратова.

Тем не менее, религиозная жизнь в Саратовском Поволжье продолжалась, не смотря на гонения, репрессии, бесконечные притеснения, отъем храмов. Повсеместное закрытие церквей и молельных домов в Саратовском Поволжье подорвало религиозную жизнь, но такие действия не могли уничтожить веру и церковь, которая стала действовать полулегально [2, Л. 9-9об, 26-29, 35-40]. Более того, религиозное движение возросло по своей мощности и численности, переместилось на кладбища. Оставшиеся храмы продолжали посещать разные возрастные категории, в том числе молодежь [1, Л. 32]. Религиозные подвижники продолжали крестить детей, венчать молодоженов, совершать другие церковные обряды, во многих семьях имелись иконы, организовывались культовые массовые ночные шествия [3, Л. 12]. А вот сведения уже за 1940-е годы: «...с.Легоши – старуха Худякова, по прозвищу Мария Культяпая, читает по покойникам и «пророчесствует» по Священному Писанию относительно сроков окончания войны» [4, Л. 13], «...школьники младших классов ходят с крестами на шею. Кресты насильственно надевают на них родители», «...в с.Никольском комсомолец Грачев А.П. содействовал своей матери весной этого года бросить работу <...> и праздновать религиозный праздник» [4, Л. 25]. Такими сведениями просто пестрят отчеты Краевого Совета воинствующих безбожников: религиозные обряды, отказ работать в дни религиозных праздников и многие-многие другие свидетельства неискренности религиозности.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 325. Л. 32.
2. ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-9об, 26-29, 35-40.
3. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
4. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 54. Л. 13, Л. 25.
5. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1А. Л. 64, Л. 65, Л. 83-83об, Л. 101, Л. 106, Л. 111.
6. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 147. Л. 462.
7. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155А. Л. 14-14об, Л. 275, Л. 319.
8. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 206. Л. 45.
9. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 207. Л.33, Л. 139, Л. 141-141об, Л. 143, Л. 303, Л. 305.
10. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL://<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787> (дата обращения 07.01.2015).

Постановление о религиозных объединениях 1929 г. и его реализация в Саратовском Поволжье // Современные тенденции развития науки и технологий: Периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции, Белгород, 31 марта 2016 г. Белгород: Изд-во ООО «Эпицентр», 2016. С. 43-48.